

Сан Яньнянь спросил:

— Сколько дней Таохуа ещё продержится?

— Если яд не найдут — максимум десять, — ответил Лю Сюаньань. — Если найдут — может, ещё и спасти удастся. Чем дольше тянется, тем больше вреда мозгу да внутренностям.

Сан Яньнянь кивнул и замолчал.

Лекарство-то он сам составлял, прекрасно помнил, что туда клал. Да ничего особенного — обычные травы, жар убирающие, яд изгоняющие. Как же они в смертельный яд превратились? На душе у него скребли кошки. Разойдясь с Лю Сюаньанем, он, пока никто не видел, снова прокрался в аптеку. При тусклом свете свечи стал перебирать всё по памяти: коптис, володушка, горечавка, корень цинхун, чёрный шилайтун, винная лоза... Стоп!

Сан Яньняню почудилось, будто что-то не так. Днём, когда он травы брал, чёрный шилайтун лежал не здесь, а в юго-восточном углу, на самой верхней полке, куда и дотянуться-то было непросто. Он тогда удивился: трава, которую с горечавкой обычно в паре используют, — и вдруг так далеко друг от друга.

По памяти он отыскал тот самый шкаф: крылья муравья, змеиная слюна, скорпионий крючок, чёрный... чёрный мао?

Сан Яньнянь протёр глаза и взгляделся. Точно, чёрный мао.

Смертельный яд, что хранился вместе со змеями, сороконожками да скорпионами. Лю Сюаньань им иглы для извлечения гу пропитывал. Сан Яньнянь с утра лекцию слушал: только кончиком тончайшей иглы чуть коснуться можно, чуть больше — и у пациента полтела парализует, муки адские.

А он принял его за безобидный чёрный шилайтун и влил в Таохуа целую чашку.

У Сан Яньняня в голове всё перепуталось. Он кое-как прибрал вещи и поспешно ретировался из аптеки. Теперь он рвал на себе волосы от досады: почему тогда не проверил тщательнее? Почему, заметив нелогичность в расположении, не задумался? И зачем вообще сидел у дороги, зачем встретил Таохуа, зачем взялся её лечить?

Он думал было во всём признаться Лю Сюаньаню — может, девочку ещё спасут. Она ему и вправду нравилась, славная такая. Да и родители её в Чисячэне были из немногих, кто с ним никогда не ссорился.

Но не сделал и двух шагов, как в голове зазвучал другой голос: бесполезно, ей не помочь.

Чёрный мао — яд лютый. Здоровый мужик не выдержит, не то что девочка. Сознаешься, а она всё равно умрёт — и всю оставшуюся жизнь на тебе клеймо убийцы, все пальцами показывать будут.

Сан Яньнянь в нерешительности замер. Подумал, стиснул зубы, дал себе пощёчину, топнул ногой и, схватившись за голову, присел на корточки. Зашмыгал носом, но так и не нашёл в себе смелости пойти к Лю Сюаньаню.

Тем временем Лян Шу привёл на гору нескольких людей — и для порядка, и чтобы помочь в поисках.

— А-Юэ здесь на несколько дней останется, — сказал он. — Вы с А-Нином гу извлекаете, вам не до остального. Она у армейских лекарей немного поучилась, основы понимает. Да и ухаживать за больной девчонкой женщине сподручнее.

Лю Сюаньань сидел за столом, потирая виски:

— Хм.

Лян Шу налил ему воды:

— Мне ещё об одном нужно переспросить.

— Знаю, о чём вы беспокоитесь, — сказал Лю Сюаньань. — Но можете не тревожиться. У Таохуа хоть и жар, и вялость, и рвота, но чумы у неё точно нет. Свалилась она именно от яда. Это не начало новой напасти, к остальным жителям Чисячэна отношения не имеет. Просто её личное несчастье.

Лян Шу облегчённо выдохнул:

— Ладно.

И добавил:

— Я не в тебе сомневаюсь, просто дело касается народа — хочется наверняка.

Лю Сюаньань отставил пустую чашку и вздохнул:

— Надеюсь, Цю Дасин с товарищами поскорее источник яда отыщут.

Снаружи всю гору озаряли огни факелов, словно огненный дракон извивался по склонам.

До полуночи людей было не так много, но после — всё больше горожан подтягивалось. Они сами собой сбивались в группы, поделили Даканьшань на участки и принялись за дело. Сначала ещё старались выбирать ягоды покрасивее, те, что на вид съедобные. Потом сообразили: а кто знает, что эта любопытная девчонка в рот могла сунуть? И пошло-поехало — каждую новую травинку, каждую незнакомую ягодку срывали и несли «господину Лю на проверку». Столы завалили — на пол стали класть. Пол завалили — во дворе разложили. Когда наутро Лю Сюаньань вышел из комнаты, он едва смог пройти — всё было завалено.

А-Нин, хоть и понимал, что люди от чистого сердца старались, всё же думал, что тащить сюда ветви в человеческий рост — это уже перебор.

Лян Шу тоже ночевал на горе. Увидев этот хаос, он рявкнул:

— Безобразие!

— Они же из добрых побуждений, — сказал Лю Сюаньань, надевая перчатки и принимаясь перебирать принесённое.

— Если от такой «заботы» один вред, то лучше бы и не заботились, — отрезал Лян Шу. — Тогда и тому, о ком пекутся, спокойнее живётся.

Лю Сюаньань в душе с ним согласился, но раз уж всё притащили — придётся разбирать. Он пересматривал каждую травинку, а Цю Дасин с А-Нином по его указанию выкидывали

ненужное. В конце концов осталась одна-единственная ярко-алая ягода.

— Это она? — спросил Лян Шу.

— Жемчужина змеиной головы, — Лю Сюаньань поднял ягоду. — Ядовита, да. Но на вкус кислит и горчит, нормальный человек есть не станет. Да и яд несильный — чтобы такие симптомы вызвать, килограммов пять надо съесть. Так что не она.

Цю Дасин смотрел, как ягода летит в сторону, и забеспокоился:

— Так ведь на горе больше ничего и нет!

— Но причина не в этом, — сказал Лю Сюаньань.

Стоявшие вокруг переглянулись. Ничего не подошло — так что же тогда отравило Таохуа?

Цю Дасин осторожно предложил:

— Может, в отдалённых местах поискать?

— Не надо, — сказал Лян Шу. — Девчонке лет семь-восемь, далеко не убежит. Если снаружи ничего нет — значит, яд внутри.

Не снаружи — значит, внутри. Лю Сюаньань вдруг вспомнил про аптеку.

Раньше он об этом не думал — слишком хорошо знал, что там хранится. Да, яды были, но все надёжно запечатаны и убраны на самые верхние полки, куда Таохуа ни за что не дотянулась бы. Да и не дурочка же она — с чего бы это вдруг ядовитых тварей в рот тащить?

Но когда все прочие варианты отпали, оставался лишь этот. Пусть даже он казался невероятным.

Лю Сюаньань вместе с Лян Шу направился в аптеку. Ядовитых насекомых каждый день доставал А-Нин. Он взобрался по лестнице на самый верх и, тщательно осмотрев полки, с изумлением доложил:

— Господин, тут действительно кто-то рылся!

— Что пропало? — спросил Лю Сюаньань.

— Э-э... Не скажешь, — А-Нин замялся. — Все ящики скреплены, один сдвинешь — и все три ряда в пять слоёв едут. Да и остаток примерно такой же, как был. Унцию-другую недосчитаешься — и не заметишь.

Лю Сюаньаню пришлось отобрать все яды, которые могли вызвать наблюдаемые у Таохуа симптомы. Набралось восемь видов.

Дальше отсеивать было нечем. И все противоядия разом не перепробуешь. Во-первых, организм Таохуа столько снадобий не вынесет. Во-вторых, что для одного яда противоядие, для другого — сам яд. В-третьих, кто знает, один яд она проглотила или несколько? Пусть Лю Сюаньань и гений, но угадать всё это было выше его сил.

А-Нин спустился с лестницы:

— Но кто бы мог её отравить? Все же Таохуа любят. Родители её — люди тихие, работающие, со всеми в ладу.

— Сердце человека — потёмки, — Лю Сюаньань стоял у стола и смотрел на кучу отобранных ядов.

— У меня есть мысль, — сказал Лян Шу.

— М-м? — Лю Сюаньань повернулся к нему.

— Надо Таохуа разбудить.

— ...

Лю Сюаньань даже дух перевёл. Он не сразу понял, к чему князь клонит. Вся проблема-то в том, что она не просыпается.

Лян Шу наклонился к его уху и что-то тихо прошептал.

Лю Сюаньань дёрнул веком:

— Так?

Лян Шу кивнул:

— Так.

— Хорошо, — сказал Лю Сюаньань. — Попробую.

Он и обедать не стал, велел А-Нину захватить аптечный ящик — и снова в комнату к Таохуа.

<http://bllate.org/book/16268/1464202>